

А. Дробина

МЕЧ ПЕРЕСВЕТА

ЧЕРНЫЙ КОТНОК

Анастасия Дробина

Меч Пересвета

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182876

Меч Пересвета: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-35328-6

Аннотация

У команды Юльки Полундры, как всегда, полно дел. Октябрь уж наступил, а у Андриюхиного деда до сих пор картошка на огороде не выкопана. Значит, надо помочь. Но вместе с клубнями ребята достали из земли... клад. Кто же его тут спрятал? Явно не древние люди! Потому что шестьсот лет назад не было спортивных сумок и брезента с полиэтиленом. Именно в них завернуты два меча, похожие на те, с которыми на поединок перед Куликовской битвой вышли Пересвет с Челубеем... Неужели друзья случайно нашли оружие легендарных богатырей?

Анастасия Дробина

Меч Пересвета

– Если страдать за правду, так уж всем, – сказала Юлька Полундра, загребая кроссовками палые листья под ногами.

Ее подруга Белка Гринберг хлюпнула носом, выражая согласие. Третья подруга, Натэла Мтварадзе, промолчала. Она не плакала, но ее черные глаза были полны слез.

Вся компания возвращалась через старый парк из школы после первого в их жизни гражданского акта протеста. Собственно, акт протеста совершила Натэла, но верные подруги продемонстрировали полную солидарность, выразившуюся в демонстративном уходе всех троих с урока труда.

«Трудиха» невзлюбила Натэлу с первых учебных дней. Обе они – и учительница, и ученица – в сентябре пришли в эту школу впервые. Натэла переехала с родителями из Сухуми, Светлана Леонидовна перевелась из другого района. Она была самой молодой и самой эффектной внешне учительницей в школе – высокая, светловолосая, носящая умопомрачительные джинсы и немедленно влюбившая в себя физкультурника Терминатора, который теперь торчал в кабинете труда среди кастрюль и швейных машинок чаще, чем в своем спортивном зале. По общему мнению учениц, место Светланы Леонидовны было не в школе, а на подиуме. Ее конфликты с Натэлой начались на первом же уроке. Объ-

завив сидящим за столами девочкам, что обучение начнется с кулинарии, преподавательница попросила открыть тетради и принялась диктовать рецепт каких-то невероятных отбивных в кислом сливовом соусе. Девочки послушно скрипели ручками, но через несколько минут Светлана Леонидовна заметила, что Мтварадзе не работает.

– В чем дело? – вперила она строгий взгляд в ученицу. – У тебя не пишет ручка?

Натэла встала. Очень вежливо, как всегда в разговорах со взрослыми, она сказала, что ручка ее в порядке, но она не видит смысла записывать хорошо известный ей рецепт. В классе наступила тишина: девочки заинтересованно уставились на новую учительницу. Юлька и Белка, живущие с Натэлой в одном доме, знали, что той ничего не стоит приготовить не только отбивную в соусе, но и накрыть полный праздничный стол человек на пятьдесят. Но учительница этого не знала и потому возмутилась:

– Может быть, ты тогда и продиктуешь вместо меня?!

– Если вы устали – то пожалуйста, – невозмутимо кивнула Натэла. И, не садясь на место, внятно и четко продиктовала всему классу рецепт отбивной, попутно заменив уксус вином «Напареули». – Можно взять «Ахашени», но оно пересушивает, – добавила ученица. И присовокупила, что солить мясо перед жаркой – только его портить.

Девочки были так ошеломлены, что записали все слово в слово. Тишина стояла мертвая, словно рецепт диктовала

не их одноклассница, а директор школы. К концу Натэлиной лекции лицо Светланы Леонидовны приняло цвет томатной подливки, но, к счастью, прозвенел звонок. К концу перемены половина школы знала, как Мтварадзе из седьмого «Б» «срезала» новую училку.

Будь Светлана Леонидовна постарше и поопытнее, она, возможно, смогла бы свести инцидент к шутке и сохранить авторитет в классе. Но молодая преподавательница, похоже, всерьез обиделась на тринадцатилетнюю ученицу, и у Мтварадзе начались проблемы на уроках труда. Конфликт усугублялся еще и тем, что Натэле в самом деле было нечего делать на этих уроках. Она рассказывала подругам, что в прежней школе на уроках труда ей позволяли заниматься домашними заданиями где-нибудь на задней парте, что она и делала с четвертого по шестой класс. Но теперь...

Натэла искренне не хотела ссориться с учительницей и держалась с великолепной вежливостью – к восхищению Юльки Полундры, которая признавалась, что на месте Натэлы давно бы «придушила на фиг эту пипетку крашеную!». «Она натуральная, – дипломатично поправляла Натэла и добавляла: – Она меня старше, я не могу». Подруги, хорошо знавшие Натэлино воспитание, только вздыхали. Натэла даже пошла на жертвы и терпеливо записывала на уроках в тетрадь рецепты элементарных блюд, которые с легкостью могла приготовить даже ее младшая сестра. Но когда месяц спустя перешли к шитью, конфликт разгорелся с новой си-

лой. Натэла отказалась рассчитывать с помощью калькулятора размеры выкройки юбки, заявив, что привыкла размечать ткань на глаз.

– Ну, продемонстрируй нам в таком случае свое мастерство! – снова вышла из себя Светлана Леонидовна.

Натэла пожала плечами. Раскатала на столе принесенную голубую ткань, сколола ее в нескольких местах булавками, пометила кое-где куском мела, взяла ножницы, несколько раз щелкнула ими – и развернула геометрически ровные выкройки юбки с кокеткой.

– А кокетку кроим так... – хотела было приступить к следующему этапу Натэла, но учительница оборвала ее:

– Достаточно, садись! И не отвлекай остальных! Напрасно ты считаешь, что самая умная!

Натэла, у которой и в мыслях ничего подобного не было, тем не менее промолчала, и, к разочарованию Полундры, скандала на сей раз не произошло. Он грянул сегодня, в пятницу.

По указанию Светланы Леонидовны девочки должны были сострачивать на машинках уже готовые части юбки. Когда все расселись по машинкам и дружно принялись заправлять нити (Юлька Полундра до сих пор не могла овладеть этой наукой), учительница увидела, что Мтварадзе опять сидит неподвижно и смотрит на нее в упор черными глазами.

– Мтварадзе, ты забыла выкройку дома? – радостно спросила она. – Что ж, тогда я могу тебе поставить только...

Натэла молча развернула пакет, из которого выпала идеально сшитая голубая юбка с кокеткой. Спокойно объяснила, что сшила ее вчера, и просит разрешения сейчас не шить, а закончить вязание. В доказательство она тут же продемонстрировала шикарный красный пуловер, наколотый на спицы. По рядам девочек пронеслось дружное «ах»: почти готовая вещь действительно смотрелась великолепно. Вот этого Светлана Леонидовна уже не вынесла.

– Мтварадзе, что ты себе позволяешь? На уроке надо выполнять задание учителя, а не заниматься личными делами. Покажи немедленно юбку! Надо же, какие ровные швы, вы только поглядите... И ты хочешь, чтобы я поверила, что ты сама ее сшила? Наверняка мама или бабушка потрудились за тебя, а ты морочишь мне голову. И что только за родители, боже мой! Готовы за ребенка все на свете сделать, лишь бы он в школе не перетрудился! Дай сюда дневник, Мтварадзе, я напишу замечание, что твоей матери должно быть стыдно за...

И тут Натэла ударила кулаком по парте. И тут она вскочила. И тут она в наступившей тишине звенящим от ярости голосом объявила, что ноги ее не будет в том месте, где оскорбляют ее родителей. Положила юбку и недовязанный пуловер в сумку и пошла вон из класса. Почти тут же сорвалась с места Юлька Полундра и зычно проорала, что ноги ее не будет в том месте, где оскорбляют ее подругу, после чего швырнула в сумку кое-как сметанную юбку, ножницы и

катушки и ринулась за Натэлой. Белка Гринберг ничего не сказала: она собралась молча и с взволнованным лицом, но ее шаги к двери были тем не менее твердыми.

– Мтварадзе, Гринберг, Полторецкая! Вернитесь немедленно, урок не закончен! – уже немного испуганно крикнула им вслед учительница.

Натэла вернулась – но лишь затем, чтобы величественно положить на стол свой дневник в чистенькой обложке.

– Пишите все, что вам вздумается, – тоном оскорбленной кавказской княжны сказала она и ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Воспитание не позволило Натэле грохнуть ею на весь этаж, но и без того эффект был потрясающим.

– Чертова холера! – на весь парк разорялась теперь Полундра, яростно швыряя ногами листья. – Совсем ошизела! Ладно бы еще ко мне приставала, у меня все на плите горит и из юбки пионерский галстук получился... Но к тебе-то! К тебе-то!!!

– Ой, девочки, а что теперь? – растерянно попискивала плетущаяся сзади Белка, которая одновременно и жалела, что ввязалась в акцию протеста, и понимала, что поступить иначе не могла. – Что будет-то теперь, а, девчонки? Светлана ведь классной нажалуется. Еще и к директору побежит! Наверняка родителей вызовут...

– Мои в командировке, – повеселевшим голосом отозвалась Юлька. – Деда пришлю, он у меня понимающий. А ты – Соню, ей не привыкать.

Белка только вздохнула. Ее старшую сестру Соню, которая занималась Белкиным воспитанием гораздо больше мамы-пианистки, всегда пропадающей на гастролях, действительно было ничем не напугать.

– Я никому из своих ничего не скажу, – сердито отозвалась Натэла. – У мамы вечером спектакль, ей нервничать нельзя. Папа на работе. А бабушка...

– Во-во, лучше бабушке расскажи! – воодушевилась Полундра. – Нино Вахтанговна – наш человек, она все правильно поймет.

– Я все равно на урок труда больше не пойду! – провозгласила Натэла. Ее черные глаза сверкали мрачной решимостью.

Когда Натэла пребывала в таком настроении, возражать ей было бессмысленно и опасно. Поэтому Юлька лишь грустно подумала вслух:

– Если плохо, так уж все. И пацанов наших нету...

– И слава богу! – перебила ее Белка. – Серега бы узнал, что с Натэлкой так, – весь кабинет труда по гвоздику расшвырял бы. А Батон бы ему помог. И их бы тогда точно из школы выгнали. А нам за компанию пришлось бы уходить.

Полундра вздрогнула: Белка была права. Серега Атаманов, лучший друг Полундры с детского сада, еще летом взял Натэлу под свое покровительство. Чувство субординации у Сереги отсутствовало совершенно. Ему, к примеру, ничего не стоило явиться в больницу, где работала его мать, и устро-

ить скандал главврачу (что он и сделал прошлой весной, когда тете Тане поставили третье ночное дежурство подряд). Атаманов запросто мог с присущей ему прямоотой высказать «трудихе» все, что он думает о ситуации в целом и о самой Светлане Леонидовне в частности. А его верный кореш Андрюха Батон даже не помыслил бы уклониться от участия в демарше друга. И вот тогда бы грянула настоящая катастрофа школьного масштаба. Но, к счастью, ни Сереги, ни Батона сегодня в школе не было: они прогуливали. Впрочем, по уважительной причине.

Только вчера Батон получил телеграмму от деда, проживающего в деревне Михеево Калужской области. Телеграмма гласила: «Прострел зпт картошка зпт дожди зпт заголодуем зпт вы что там охлебели впр вскл». Загадочность последнего слова была явно вызвана тем, что на михеевской почте не принимали бранных слов. Но Батон сей дедов неологизм понял замечательно, а также и смысл всей телеграммы. В переводе на нормальный русский язык она означала следующее: Федора Пантелеевича опять разбил радикулит, картошка в огороде до сих пор не выкопана, вот-вот польют дожди, ценный овощ сгниет на корню, без его запасов все умрут с голода – и где родственники, сын и внуки?! Но родители Андрюхи уехали в отпуск, от их младших сыновей все равно не было бы никакого толку, и оставался один Батон, отлично понимающий всю остроту проблемы. Он решил не дожидаться выходных и уехал в деревню вечером в четверг. Вместе с

ним туда же отправился верный друг Атаманов, справедливо рассудивший, что две пары рук – больше, чем одна.

– Знаете, что... – вдруг сказала Юлька. – А давайте поедем к ним!

– Как это? – хором удивились Белка и Натэла.

– Да так! Прямо завтра утром. На электричке. Я знаю, где находится Михеево, Батон тыщу раз рассказывал. А чего? – Собственная идея нравилась Полундре все больше и больше. – Много ли они там вдвоем наковыряют, раз Батонова деда все равно скрючило? А мы приедем, поможем...

– Я на ночь не поеду, – решительно объявила Натэла. – Это неприлично.

– А меня Со-о-оня не пустит... – заныла Белка. – У меня через неделю зачет по гаммам, а на картошке руки испорчу... Нет, я не против, но Соня...

– А ты ей не говори, что на картошку. Скажи – просто в гости, на день, вечером на электричке вернемся. Ну, девчонки, пацанам же надо помочь! Они обрадуются, балбесы, что помощь прибыла!

– Помочь, конечно, надо... – задумчиво сказала Натэла. С ее лица исчезло выражение мрачного отчаяния, чего, собственно, и добивалась Полундра.

– Ну, раз вы едете, то и я тоже, – обреченно вздохнула Белка. – Пойдемте вместе Соню уговаривать.

– Натэла, а ты со своей бабушкой поговори, – деловито распорядилась Юлька. – Я имею в виду по поводу нашей вы-

дры Леонидовны. Может, чего путевого скажет. Выгребаться-то все равно как-то надо.

– Она расстроится... – неуверенно сказала Натэла.

– Кто? Нино Вахтанговна? Да ни в жисть!

И все присутствующие знали, что так оно и есть.

Девочки ускорили шаг. Начинался дождь, и парк был почти пустым, только на последней скамейке сидела девушка в сером плаще и нелепой зеленой беретке с желтым помпоном. Она сидела, спрятав лицо в ладонях, и, проходя мимо, Юлька заметила, что девушка плачет. Полундра растерянно остановилась, посмотрела на подруг, но Белка потянула ее за руку:

– Пойдем... Какое тебе дело? Нам ведь собираться же еще!

Юлька, помедлив, послушалась, но до самого поворота аллеи все оглядывалась и оглядывалась на сгорбленную серую фигурку.

На другой день, в одиннадцать часов утра, три подруги выгрузились на узкую платформу станции Михеево почти в двухстах километрах от Москвы. День был неожиданно солнечным и тихим, ярко голубело небо с блеклыми облаками, лес недалеко от станции краснел и желтел последними листьями. Подруги сошли с платформы (последней шла Натэла с рюкзаком за плечами, в котором, судя по размеру и запахам, было недельное меню ресторана «Арагви»), прошли по

тропинке через рощицу, перебрались по двум бревнам через речушку и, увидев в двух шагах деревенские крыши, озадаченно уставились друг на дружку.

– А дальше куда? – спросила Белка.

Вместо ответа Юлька достала мобильный телефон.

– Але, Атаманов? Полундра на связи. Вы как там с Андриухой, живы-здоровы? Как лошади? Ясно... А вы где щас? Да понимаю, что в грядках, но как вас отыскать-то? Мы тут приехали помочь... Ну да, все вместе. Чего «сдурели», сказал бы спасибо, чучело... – Не отнимая трубки от уха, Юлька заозиралась по сторонам. – Ага... Забор зеленый вижу. Вдоль? Девки, пошли... Идем вдоль забора. Дуб с аистом? Дерево вижу, аиста – нет... И, по-моему, это вообще не дуб. Так дуб или клен, Серега? Сам не знаешь, ясно... А аист где? Ах, в Африку улетел... А, гнездо... Да, вижу клен с гнездом без аиста... Колодец, да... Направо... Деда на раскладушке вижу... А вот рядом с дедом... Атаманов, приве-е-ет!!!

Юлька раскинула в стороны руки, спрыгнула с тропинки и помчалась прямо к Атаманову и Батону, которые, опершись на лопаты, скалили зубы из картофельных грядок в двух шагах. Чуть поодаль выстроились в ряд ведра с уже выкопанной картошкой и стояла полинявшая раскладушка, на которой в позе раненого полководца возлежал Пантелеич, укрытый рыжим солдатским одеялом.

– Ето хто приехал? Девицы ваши? – оживился Батонов дедуля, выставляя из-под одеяла бороду и ноги в валенках. –

От это милое дело! Самое время, коровки вы мои! Ох, да ты ж, моя милая, кака краса-а-авица...

– Да что вы, дедушка... – пролепетала растерявшаяся Натэла, к которой относился комплимент. – Здравствуйте...

– Дед, отстань от Натэлки! – рывкнул выскочивший из картошки Батон и тяжело затопал к испуганным девчонкам. – Девчонки, вы его не бойтесь, он у меня дикий малость, но симпатишный...

– Ты, шпингалет, помалкавай! Я в твои годы уж женился! – воинственно взъерошил бороду Пантелеич, вставший на ноги.

– Дурное дело не хитрое, – парировал Батон, аккуратно тесня деда назад к раскладушке. – Ты иди, иди, укладывайся, у тебя ж прострел. Забыл, что ли? Так вспоминай... А то бери лопату, вставай тоже...

– А ты и рад деда родного угробить! – упирался Пантелеич. – Да обожди ты, боров, дай хоть поздоровкаться с девчонками-то... Которая тут твоя?

– Дед! – заорал Батон. – Заткнешься ты иль нет?

Наконец из грядок выбрался и сердитый Атаманов в грязных до самых карманов джинсах и сползшей с плеча тельняшке. Протопав к раскладушке, он ткнул вместо приветствия кулаком в живот Полундру, кивнул Белке и, встав рядом с Натэлой, угрожающе сказал:

– Вот эта – моя. Вопросы есть?

– Сергей! – возмутилась Натэла. – Что за новости?!

Пантелеич одобрительно крякнул и повернулся к наспившемуся внуку:

– Видал, пельмень, как надобно? Завсегда у тебя из-под носа самое приличное уводят...

– Девчонки, идите переодевайтесь, – поспешно сказал Батон. – Классно, что приехали, все вместе мы до вечера точно закончим.

– Слушай, а твой дед, правда, в тринадцать лет женился? – шепотом спросила Белка, косясь на вновь возлегшего на раскладушку Пантелеича.

– Да врет он! В шестнадцать. И то потому, что бабка боялась в девках засидеться... Давайте поживей там, а то правда дождь пойдет.

Когда переодевшиеся в старье девчонки вернулись в огород, Батон тут же перекроил фронт работ. Теперь они с Атамановым копали: поддевали лопатами сухие кусты, выворачивая клубни, Юлька с Натэлой выбирали прямо из-под лопат картошку и бросали ее в ведра, а Белка, надев на свои «музыкальные» пальцы драные Пантелеичевы перчатки, относила наполненные ведра к краю и раскладывала картошку под навесом сушить на расстеленных мешках. Дело пошло споро, ребята прервались только на обед, прямо в огороде уничтожив привезенные Натэлой вкусности, и к сумеркам почти вся картошка с обширного огорода была выкопана.

– Ну, молодцы, ну, команда-ух! – веселился на своей раскладушке Пантелеич. – Один бы я тут до предзимок мучил-

ся, да еще б и дожди, как есть погнило б все, а ту-ут... Ох, девки, ох, конфеточки мои!

– Долго еще? – пропыхтела перемазанная до ушей землей Белка, бухая перед Натэлой пустое ведро. – Уже вон темнеет, а нам домой еще ехать...

– Последний куст. – Натэла сидела на корточках и устало смотрела снизу вверх на грязного Атаманова. – Сергей, очень устал?

– Нич-чего. Щас... копну... – Атаманов с размаху вонзил лопату в землю – и замер. Постоял немного, затем озадаченно подвигал лопатой и сказал: – Чего-то того... Не копается.

– Что там у вас? – спросил с соседней грядки Батон. – Лопату сломал?

– Цела твоя лопата. Не роется просто.

– Выдохся?

– Сам ты!.. Тут что-то твердое.

– Кирпич? Да выкинь ты его! Мы с дедом печку летом перекладывали, так теперь по всему огороду...

– Нет, не кирпич! – обозлился Атаманов. – Тут большое что-то. Иди помоги лучше!

Батон подбежал к нему. Заинтригованные девчонки тоже подошли ближе.

– Эй, фонарь возьмите! – заголосил с раскладушки Пантелеич. – Я чичас сам подгребу! Ежели кирпичи, так не швыряйте, аккуратненько кладите, мне крыльцо надо подправлять чем-то...

Атаманов и Батон молча пыхтели, орудуя лопатами: земля летела во все стороны. Девчонки толклись рядом. Пантелеич, забыв про радикулит, мухой слетал к сараю и вернулся с огромным железнодорожным фонарем.

– Чичас мы его установим... Чичас шнур разматваем... Вот! Да будет свет, как боженька наш сказал!

Ударила синяя волна света, и в огороде стало светло как днем. Отчетливо стала видна и довольно глубокая яма, выкопанная Атамановым. А в той яме темнело что-то – не то рюкзак, не то сумка.

– Батон, давай... – севшим от волнения голосом сказал Серега, берясь за ручку. – Мы, кажись, клад нашли.

– Стойте, пацаны! – вдруг завопила Полундра. – А вдруг там того... бомба? Или снаряд?

– Какой снаряд?! – удивился Пантелеич. – С последней войны, что ль? Да нету уж никаких снарядов. Что от фрицев осталось, давным-давно археологи повыкопали. Что ни год, то роются!

– Зачем? – удивилась Натэла.

– А у нас тут недалеко, на Угре, черт-те когда татары стояли против нашего князя, – охотно пояснил Пантелеич. – Вроде кажин год землю под огород перекапываю, а всякий раз хоть что, а вырою: то монету каку древнюю, то наконечник. А Васильевна у себя почти целый шлем вырыла, потом в нем рассаду сажала, насилу согласилась археологам-то отдать... В музее-то, говорит, все едино без толку пылится, а ей поль-

за...

– Сумка-то «адидасовская», – присмотревшись, сообщил Батон, – значит, не снаряд. Давай, Атаман, беремся...

Пацаны взялись за мокрые грязные ручки и дружно дернули. Сразу вытащить не получилось: сумка оказалась неожиданно тяжелой. Пришлось еще немного подрывать с разных сторон и призвать на помощь Юльку, чтобы большая, облепленная землей сумка медленно поднялась из ямы.

– Что там, что там? Открывайте скорей! – налетели с двух сторон Натэла и Белка.

Сопящий от волнения Атаманов с трудом открыл «молнию», под которой оказался полиэтилен, а под ним – брезент.

– Да ты вынь то, что там!

– Не могу, тяжелое... – Атаманов, шепотом ругаясь, сражался с брезентом. Наконец тот подался, поехал в сторону – и в свете фонаря тускло блеснул металл.

Это было древнее оружие. С перепугу Юльке показалось, что в сумке лежит целый склад мечей и сабель, но при тщательном осмотре оказалось, что мечей всего два: прямой и тяжелый, из какого-то темного металла, и кривой, как серп, с черными наростами, покрывающими ручку. Пацаны и девчонки стояли неподвижно вокруг сумки, глядя то на найденные вещи, то друг на друга. Уже совсем стемнело, начал накрапывать дождик.

Первым опомнился Батон.

– Так это... Чего стоим-то? Давайте-ка, тащим все в дом! Дед, ты где там? Поднимайся, забирай раскладушку, идем! Картошку последнюю под навес! Да лопаты заберите, заржавеют!

В большом Пантелеичевом доме было сухо и натоплено. Пантелеич первым делом подбросил в печь пару поленьев, которые весело затрещали, и включил старую лампу под зеленым абажуром. В ее свете все еще раз осмотрели найденное.

– Дед, откуда это у тебя на огороде? – насел на Пантелеича Батон.

– Ты чего, рехнулся? – вскинулся тот. – Почему я знаю? По весне картоху сажал – ничего не было! Два раза окучивал – ничего не было! Гитлера выкапывал – не было!

– А кстати, ты его зачем выкопал? – неожиданно спросил Батон. – Такой классный стоял, ни одна ворона на огород не садилась...

– Так Васильевна попросила! В долг, так сказать. Я и дал, соседка все ж таки... Ты рази не заметил, когда мимо шел?

– Как-то внимания не обратил. Но ты Гитлера назад заברי, самим пригодится!

– Эй, вы о чем? – шепотом вклинилась Полундра. – Какой Гитлер? Зачем вы его выкопали? У вас что, еще и труп в огороде зарыт был?!

Батон изумленно уставился на Юльку. А Пантелеич мелко захихикал и объяснил:

– Гитлер – это чучел наш. Ну, пугало, для ворон, Андрюха летом смастрячил. Ей-богу, страшной смертного часу получилось! Я первое время сам боялся мимо него ночью в нужник бегать. Потом ничего, попривык... Ну так вот, чучел все лето у меня в огурцах стоял, а потом я его Васильевне одолжил, да забыл назад взять.

– Чтоб взял! – строго велел Батон. – У меня второй раз такой монстр не получится!

– То есть, когда вы выкапывали своего... Гитлера, ничего еще не было? – уточнила Юлька.

– Кажись, ничего, – подтвердил Пантелеич. И тут же уточнил: – Под Гитлером – ничего! А там, где вы разрыли, – не знаю...

Все озадаченно умолкли. Стало слышно, как стучит в окно дождь.

– Господи! – вдруг ахнула Белка. – Девчонки! Мы же на московскую электричку опоздали!

Раздался дружный стон. Девчонки панически переглянулись и разом полезли по карманам за мобильными телефонами.

– Соня, это я. Нет, не в Москве. Сонечка, ты только не волнуйся, но я еще в деревне, мы на электричку опоздали... Сонечка, не нервничай, мы не под дождем! Нет, я не заболею! Нет, никакую землю я не таскала... Конечно, есть где спать! Конечно, есть что кушать! И никакой опасности, с нами ребята. Ах, тебя это и пугает.

– Бэбо, это Натэла, у меня все в порядке, но мы пропустили поезд... Да, в деревне. Сергей? Да, здесь. Дать ему трубку? Сережа, на, поговори с бабушкой...

– Нино Вахтанговна? Атаманов, да... Вы не дергайтесь там, Натэла со мной. Под мою ответственность? Конечно, само собой. Зуб даю! Да, до самой квартиры завтра доведу. Не переживайте, ни одна падла не рискнет... Мое слово!

– Пашка, это Юлька. Так получилось, мы в Михееве застряли. Не нарочно, просто электричка... опоздали, в общем... А где дед? Ах, встреча ветеранов... Не, ты его не пугай, мы тут всей компанией зависли, у Андрюхиного деда. Да кому я нужна, господи?! Меня? Да кто меня тронет, минуты не проживет! Веришь? Ну, слава богу... Тогда отбой, спокойной ночи!

Кое-как успокоив родственников, решили не пороть горячку и переночевать здесь, а утром, с самой первой электричкой, ехать в Москву. Было уже поздно, но спать никому не хотелось. Наспех перекусив остатками Натэлиных шедевров, все опять сгрудились вокруг стола, на котором лежали находки.

– Я хочу поддержать, – объявил Атаманов, протягивая руку к длинному мечу.

– Ой, не надо, не хватай! – заверещала Белка. – Я читала, что всякие исторические находки надо очень осторожно трогать! Они развалиться могут, они же бог знает сколько времени в земле лежали! Лет, может, пятьсот или даже боль-

ше...

– Точно! – поддержала подругу Юлька. – По телику показывали, археологи прямо кисточками все их отчищают... Атаманов, не надо, жалко будет, если она развалится!

– Не развалится, – уверенно сказал Серега, берясь за черную от времени рукоятку. – Не развалился же, когда его перекладывали.

– Кто перекладывал? – не поняла Юлька.

– Не знаю кто, но перекладывали. Он же пятьсот лет не в «адидасовской» сумке лежал.

Наступила изумленная тишина.

– Ой, а мы и не дотумкали... – пробормотала Юлька. – Серега, а ты гений, оказывается!

Атаманов только отмахнулся и взвесил в руке меч.

– Ну, тяжелый, зараза... И как древние люди таким воевали? Им же еще и махать как-то надо!

– Люди тады другие были! – ехидно встрял Пантелеич. – Не то что вы чичас, дохлятина...

– Это кто тут дохлятина, Пантелеич?! – обиделся Атаманов. – Фильтруй базар-то, а то вот как пойду шас да всю твою картошку назад зарою!

– Остынь, соколик... – засмеялся Пантелеич. И вдруг стал серьезным. – А ведь дело говоришь. Ктой-то его в огороде у меня припрятал, в сумочке-то.

– Кто припрятал? – машинально спросила Юлька.

– Тот, стало быть, кто нашел.

– Археологи? – удивилась Натэла. – Но... Зачем же снова прятать, если нашли? Они ведь не для того искали, чтобы перепрятывать?

Снова наступило молчание. Юлька, сидящая за столом, осторожно поскребла ногтем нарост на черной рукоятке кривого меча. К ее удивлению и испугу, царапина засветилась ярко-голубым.

– Ой, я, кажется, сломала что-то! Ой, что делать?!

Все кинулись к ней, стукнувшись головами над столом.

– Чего орешь, все на месте, – недовольно буркнул Атаманов и сам потер пальцем рядом с Юлькиной царапиной. Сверкнула гладкая голубая поверхность.

– Это... Блин, это же камень какой-то...

– Похоже на бирюзу, – пролепетала Натэла. – У бабушки есть браслет, там камни такого же цвета.

– Давайте еще почистим! – воодушевилась Полундра. – Федор Пантелеич, Батон, у вас какой-нибудь «Комет-гель» есть? Или хоть сода?

– Есть, но не дам, – отрезал Батон. – Офонарела, доисторический меч «Кометом» чистить! Еще взаправду развалится!

– Сам ты доисторический! – обиделась Полундра. – А меч очень даже исторический, им, может, князь Владимир воевал!

– В каком веке воевал? – наморщил лоб Батон.

– В девятом, – тоном неисправимой отличницы выдала

справку Натэла. – При крещении Руси.

– И что же... выходит... двенадцать веков, что ли, ему? Нет, не может быть. Он бы так хорошо не сохранился.

– Дураки, да я же просто так про Владимира сказала! – разозлилась Юлька. – Может, он вовсе даже Александра Невского! Или Дмитрия Донского! Или...

– Царя Гороха, – съязвил Атаманов. – У тебя чего по истории в четверти светит?

– Тройбан...

– Вот оно и видно.

– Да ты сам-то, блин! – рявкнула оскорбленная Полундра, но тут Белка, втихомолку поскребывавшая рукоятку меча ногтем, восхищенно прошептала:

– Ой, а тут что-то зелененькое...

Действительно, рядом с бирюзой блеснул золотисто-зеленый круглый камень.

– Так, хватит народное достояние обдирать! – распорядился Пантелеич. – Может, мы того... чего-то вовсе неправильно делаем, нам потом начальство фитиль вставит!

– Какое еще начальство? – не поняла Белка.

– Да уж какое-нибудь найдется! Вон его развелось сколько повсюду... Эти археологи за своим добром приедут – тож спасибо-то не скажут...

– Дед, а с чего ты взял, что это ихнее, – спросил Батон. – И что они приедут?

– А чье ж еще? – уверенно сказал Пантелеич. – Кто весь

берег у реки, как кроты, разрыл? Кто все лето железки искал? Они нашли, больше некому.

– Так зачем же назад-то зарывать?! – взвился Атаманов. – Какого, я спрашиваю, черта было вообще искать тогда? Чтобы по чужим огородам перепрыгивать?! А если бы мы совсем на сумку не наткнулись, тогда что?

– Сергей, успокойся, – мягко осадила его Натэла, и ее негромкий голос, как всегда, моментально утихомирил Атаманова.

Парень вполголоса ругнулся и вернулся к созерцанию длинного меча. Через минуту проворчал:

– Неправду, что ли, говорю?

– Правду, конечно. Ты со-вер-шен-но прав. Только вот что делать – непонятно.

– Спать, – объявил Батон. – Не знаю, как у вас, а у меня спина разламывается напололам. С шести утра лопатой махал, а щас уже второй час ночи. Атаман, я с дедом на печи лягу, ты – на раскладушке, а девчонки – на кровати с диванкой, там постелено.

– Ага, – кивнул Атаманов, который, кажется, даже не слышал сказанных слов и по-прежнему не сводил глаз с оружия. Девочки вдруг почувствовали, что действительно устали, и, позевывая, гуськом поплелись в комнату – устраиваться на ночлег.

Через полчаса лежания в темноте Полундра поняла, что заснуть не может. Во-первых, рядом громко сопела Белка.

Во-вторых, тикали, как бомба с часовым механизмом, старые-престарые ходики на стене. В-третьих, что-то угрожающе шуршало за печкой, и Юлька подозревала, что там мыши, а может, даже крысы. Напугать Полундру было трудно, но крыс она недолюбливала. К тому же дверь в кухню оставалась полуоткрытой, и Юлька видела, что Атаманов по-прежнему сидит за столом. В конце концов она не выдержала, встала и на цыпочках прокралась на кухню.

– Серега, чего не спишь?

– Сейчас пойду. – Атаманов, не глядя на Полундру, держал в руках меч. – Слышь... А вдруг он правда князя?

– Все может быть, – осторожно сказала Юлька, протягивая руку за вторым мечом – кривым, с камнями на рукоятке. – А вот этот – хана Батыя. Или как его... Тохтамыша. И не очень даже тяжелый. – Она замахнулась. – Эх, и чего я не пацан? Надо же было девчонкой родиться! Несправедливо же!

Атаманов, хорошо знавший Юлькину обиду на судьбу, сочувственно вздохнул и попытался утешить:

– Тебе и так в правой полузащите цены нет. Такого «крученого» даже мне не запустить.

– Ну и что? – накуксилась Юлька. – Все равно в настоящий футбол не возьмут.

– Иди в женский, есть же...

– Щас! Очень надо – с бабьем играть. Атаманов, а ну, вставай! – Юлька приняла воинственную позу, выставив вперед кривой меч. – Я, хан Батый, вызываю на бой князя Владими-

ра! Иду на «вы»! То есть на «ты»! Защищайся, волчья сыть, травяной мешок!

– Я тебе что – лошадь?! У, м-морда татаро-монгольская! – не остался в долгу Атаманов, хватая длинный меч. – Щас как дам по сусалам! Понаехали тут со своей Золотой Ордой, здесь местным самим жрать нечего... Ура-а, в атаку!

Старинные мечи со звоном ударили друг о друга. Но то ли меч Атаманова был тяжелее, то ли сам Серега сильнее – кривой ятаган тут же вылетел из Юлькиных рук. Истошный визг «хана Батыя» смешался со звоном разбитой посуды, непечатной руганью «князя Владимира» и испуганными криками с печи и из комнаты:

– Эй, что случилось?

– Атаман, у тебя там упало что-то? – Батон спрыгнул с печи, ловко попав ногами прямо в Пантелеичевы валенки. – Полундра, чего орешь? Мыш, что ль, пробежал? Ты бы в него кроссовкой – и все. Оба-на... Ну, вы даете!

Последняя фраза была сказана уже после того, как выскокившая из комнаты Натэла зажгла свет. Пол в углу был усеян осколками битых чашек. Абажур из соломки на лампочке под потолком висел боком. Дверца деревянного буфета еле держалась на одной петле. Полундра сидела на полу, накрепко зажмурившись, а рядом сверкал глазами еще не остывший от боя Атаманов.

– Сергей, Юля, вы с ума сошли? – интеллигентно поинтересовалась Натэла. – Кругом люди спят...

– Поспишь тут, как же! – Из-за ситцевой занавески, отгораживающей полати, выставилась борода Пантелеича. – Это что у вас за мамаево побоище?

– Федор Пантелеич, извините, – пискнула Юлька, – я вам посуду разбила...

– Врет она, это я разбил, – буркнул Атаманов. – Ты не переживай, Пантелеич, я тебе в следующий выходной целый сервиз привезу, мамане он все равно не нравится.

– Очень надо... – зевнул Пантелеич. – Разбилась – и леший с ней, места больше. Сами-то целы?

– Полундра, ты как? – повернулся Серега.

– Нормально... – проворчала, вставая с пола, Юлька. – Спасибо, хоть не по башке звезданул... И где вот он теперь, меч-то? Вдруг по винтикам развалился?!

Кривой ятаган нашелся за дверью, целый и невредимый. Сразу успокоившийся Серега нежно погладил длинный меч, все еще бывший в его руках... и вдруг завопил:

– Полундра, Батон, смотрите сюда!!!

– Ну не жизнь, а просто мучение... – простонала Белка, только сейчас высунувшая нос из комнаты. – Чего ты орешь, чудо в перьях? Мало того что разбудили, так еще и...

Но ее никто не слушал. Все стояли кольцом возле Атаманова, который держал в руках меч и круглыми глазами разглядывал клинок. От удара по ятагану темный налет с лезвия отлетел, и обнажилась, заблестела синяя полоска чистого металла, на которой смутно виднелись славянские буквы.

– Что написано? Что? Что? – наседали на Серегу со всех сторон. Но при тусклом свете лампочки тот, как ни старался, не мог разобрать надпись.

– Завтра все прочтете, – наконец решил Пантелеич. – Утро настанет, при свете и разберетесь. А чичас – по койкам, архаровцы! Ночь-полночь, всех тараканов мне перепугали! А оружие сюда дайте, пусть у меня полежит от греха подальше.

С этими словами Батонов дедуля сгреб мечи в сумку и, кряхтя, поднял ее на печь.

– Радикулит у него, видите ли... – пробормотала сердитая Полундра, насильно увлекаемая Белкой в темную комнату. – Симулянт старый... Серега, ты спишь уже?

– Сплю! – раздался свирепый голос с раскладушки. – И ты спи, Батый хренов... Училась бы лучше того... кашу варить.

На такой неутешительной ноте Юлька и заснула.

Утром под окнами заверещал автомобильный гудок. Юлька вскочила первая и прижалась носом к окну. Там стоял ясный денек, рябина в палисаднике бодро топорщилась остатками листьев и красными кистями, и о вчерашнем дожде напоминали только капли воды на ветвях куста сирени. За забором виднелась белая крыша подъехавшей «Волги». Полундра присмотрелась и заорала:

– Рота, подъе-о-ом!!! Кажется, Петрович за нами приехал!

Все вскочили, завопили и забегали. Батон тут же вспом-

нил, как в пять утра кто-то звонил ему на мобильный и спрашивал дорогу до Михеева, но Андрей был полностью уверен, что ему это приснилось. Через минуту, впрочем, выяснилось, что приехал не Юлькин дед Петрович, генерал в отставке, а его старший внук и Юлькин двоюродный брат Пашка, математик и компьютерный гений. Этим летом восемнадцатилетний Пашка приехал из Иркутска поступать в университет, поступил сразу на второй курс факультета информатики и обитал в студенческом общежитии, как ни уговаривал его Петрович не позорить семью и жить дома. Но Пашка отговаривался тем, что из общаги ближе ездить на занятия, и появлялся в квартире на Восточной улице только по выходным.

Пашка вошел в дом, стукнувшись лбом о притолоку, и весело поприветствовал всю компанию:

– Здорово, шелупонь! Перебудил всех, что ль?

– Ты чего явился-то? – не отвечая на приветствие, прошипела Полундра. – Я же сказала по-человечески: сами приедем, не маленькие.

– Вот и я ей то же самое говорил! – хохотнул Пашка, двигаясь в сторону и пропуская в дом Соню, Белкину старшую сестру. – А она: «Дети одни где-то в лесу, я волнуюсь, у меня концерт, едем, едем...» С вами спорить – застрелиться легче!

Соня, очень хорошенькая в узких джинсах и коротком белом пальто, только улыбнулась и поискала глазами сестрен-

ку. Ухаживать за Соней, своей ровесницей, Пашка начал с первого дня их знакомства и, доказывая серьезность своего чувства, даже соглашался посещать Сонины фортепьянные концерты в Консерватории, что было нешуточным испытанием для человека с математическим складом ума. И Соня в конце концов это оценила: они встречались уже четвертый месяц.

– Со-о-о-ня, ну что ты, в самом деле... – заныла Белка, поспешно облачаясь. – Вечно из пустяка катастрофу делаешь...

– Я волнуюсь! – грозно объявила Соня. – А у меня концерт! Мне Брамса играть! Мне перед ним нервничать нельзя! Ты понимаешь?!

Белка, сама заканчивавшая музыкальную школу, отлично знала, что такое «нервничать перед Брамсом», и только вздохнула.

– Покажи руки! – потребовала Соня.

– Господи... Да вот, все в порядке. Не переживай!

– Ты не полошись так, красавица! – вылез из-за печи Пантелеич. – Мы твою сестрицу не трудили сильно, землю она не рыла. Я сам следил, чтоб все как есть правильно было.

Но Соня посмотрела на заспанного Батонова деда с большим подозрением и немного успокоилась, лишь тщательно осмотрев руки сестры и не найдя на них ничего губительного.

Натэла тем временем поставила на плиту огромный чай-

ник и методично строгала на краю стола бутерброды.

– Паша, тебе кофе? – поинтересовалась она. – У меня есть в термосе черный, но, наверное, остыл...

– Мы привезли, – сообщил Пашка. – У Сони там пирог еще, давайте завтракать, потом закончим все в огороде и поедем. Мне в шесть вечера кровь из носу надо в Москве быть.

– Блин!!! – вдруг подскочила Полундра. – Пашка, Соня! Вы ж не видели еще! Атаманов, доставай с печки...

– Кто у вас там? – поинтересовался Пашка. – Домового поймали?

– Сам ты домовый! Гляди, в огороде выкопали вчера.

Сумка с оружием была торжественно водружена на стол (Натэла едва успела подсунуть под нее клеенку) и открыта.

– Господи... – жалобно сказала Соня, осмотрев средневековые мечи. – И почему наши дети постоянно во что-то впутываются? Когда я наконец поживу спокойно?!

– Лет через шестьдесят в доме престарелых, – успокоил ее Пашка. – В моем обществе.

– В твоём обществе я и до пенсии не доживу. Чего тут смешного, не понимаю! Куда теперь все это девать? – Соня была впечатлительной, как выпускница Смольного института, и Пашкина манера ко всему относиться с юмором ее ужасала. – Надо же, целый клад! И, наверное, очень дорого все. находку следует сдать в милицию.

– Никогда! – хором отозвались Батон, Атаманов и Пантелеич. Последний еще и уточнил:

– Что в милицию попало – то пропало. А вещи хорошие, жалко.

Пашка между тем осматривал оружие и одновременно слушал рассказ взбудораженной сестры и Сереги.

– Угу... угу... Значит, прямо в сумке и были? Археологи? Ах, уже уехали... мгм... Федор Пантелеевич, а вы что думаете? Ничего? Я так и знал.

– Понимаешь, непонятно откуда это все взялось! – тараторила Юлька. – Если археологи вырыли, то какой смысл им обратно зарывать? Если воры какие-нибудь – тем более!

– Резонно. А тут что? – Пашка поднял длинный меч и всмотрелся в светлую полосу стали.

– Я нечаянно, – проворчал Атаманов. – Ты умеешь читать по-древнерусски?

– По-старославянски, – поправила Соня. – Покажите мне, пожалуйста. Что-то мы такое проходили на литературных курсах...

Пашка отодвинулся. Соня надела очки и сощурилась.

– «...свет»... Хм, какой-то свет. Это конец слова, начало замазано.

– Почистим, может? – встрял Атаманов.

– И думать забудь! Испортишь! А дальше тут что? «Том...» Нет, «тем...» Тёмный! Чушь какая-то. Как может быть свет – темным? Или нет, не темный... Кажется, «чермный»... Нет, я, наверное, неправильно читаю.

– «Чермный» – черемный значит, – вдруг важно сказал

Пантелеич. – Рыжий, или там красный.

– Больше ничего? – нахмурился Серега.

– Наверное, есть, но не видно. И чистить я не дам без... без специалиста!

– Да где его взять, специалиста? – буркнул разочарованный Атаманов. – Свет какой-то красный... Байда беспонтовая!

Натэла укоризненно посмотрела с другого конца стола и спросила:

– Может быть, это имя хозяина? В Древней Руси подписывали свои мечи?

– Они тебе сменная обувь, что ли? – фыркнула Полундра. Но Пашка поднял голову и посмотрел на Натэлу с уважением.

– Слушай, а ты молодец! Вполне может так и быть. Чермный – это фамилия. Или кличка. А «...свет»...

– Пересвет! – вдруг выпалила Белка. – Богатырь Пересвет! Ну, наш Пересветов переулочек в честь кого назвали, забыли? Про кого я ко Дню города реферат писала?

– Мама дорогая... – пробормотала Полундра, садясь мимо табурета. Пашка успел подхватить ее в последний момент.

– Минуту, минуту... – нахмурилась Соня. – Пересвет Чермный? Пересвет разве был рыжим? Что на сей счет говорят исторические источники?

Все дружно уставились на Белку, которая действительно

недавно писала реферат о герое Куликовской битвы Пересвете. Белка наморщила лоб, вспоминая информацию полуторамесячной давности, затем вдохновенно зачастила:

– Пересвет был монахом Симонова монастыря. Ну, нашего, который возле парка. И его отправил, то есть рукоположил на Куликовскую битву Сергей Радонежский. И взял в свое войско Дмитрий Донской. Когда на поле Куликовом сошлись войска наши и татарские, по обычаю, должен был произойти поединок двух богатырей. От них выехал Челубей, а от наших – Пересвет. И они сшиблись! И оба пали замертво! Только нашего богатыря конь успел довести обратно, а противник так и остался валяться сшибленный. То есть все равно наши победили! И началась Куликовская битва!

– В общем, все умерли, – подытожил Пашка. – Хм-м... А ведь все может быть. Белка, ты не помнишь, чем они там сшибались? Мечами или копьями? Или, скажем, булавами?

– Не помню, – пожалала плечами Белка. – В Интернете ничего про это не было.

– В Интернете? – невероятно оживился Пашка. – Так у нас тогда вообще нет проблем! У меня комп на заднем сиденье машины, сейчас я его... Ох, блок питания разрядился. Федор Пантелеевич, где у вас розетка?

– И думать забудь! – неожиданно всполошился Пантелеевич. – Здесь с электричеством баловаться нельзя! Вон мне Андрюха на День Победы чайник электрический привез, я его включил, так всю деревню разом обесточило. Даже в Сер-

деневе за рекой тож замигало.

Пашка озадаченно взглянул на Батона. Тот покивал и добавил:

– Здесь же линию при царе Горохе тянули, как чуть чего, гроза там или что мощнее электрической лампочки, – вырубает напрочь.

– Плохо... – скис Пашка. – Тогда ждем до Москвы.

– Пацаны, а это правда наш Пересвет, из нашего монастыря, – вдруг изменившимся голосом сказал Атаманов, до того подозрительно молчавший.

Он слегка отодвинулся от стола, и тут же стало понятно, почему до сих пор Серега не участвовал в разговоре: потому что потихоньку счищал ребром ножа черноту с лезвия меча. Теперь взглядам всех присутствующих открылось почти идеально круглое клеймо на мече, в которое были вписаны славянские буквы.

– Нет, Атаманов, ты псих! – завопила Юлька. – Испортил все-таки ценную вещь!

– Все равно ты своим ятаганом вчера половину сбила! – заорал и Серега. – Хуже не стало, наоборот!

– Да что там, что, что?! – накинулись на Серегу со всех сторон.

Тот отпихнул Батона, отстранил локтем Полундру (Натэлу, подумав, оставил) и взглянул на Соню:

– Я правильно читаю? «Сим мнстр» – это же...

– Какой монстр? – не понял Батон.

А Соня нервно улыбнулась и подтвердила:

– Да, верно. Симонов монастырь.

– А имя, имя? – заволновалась Белка. – Пересвет?

– Там начало не чистится, – вздохнул Атаманов. – Крепко въелось, кислотой надо попробовать.

– Я те дам кислотой, вандал несчастный! – машинально возразил Пашка. И вдруг нахмурился: – Белка! Ты должна помнить, раз реферат писала. Куликовская битва в каком году была?

– В 1380-м, – отрапортовала Белка.

– Мгм... А здесь, на Угре, русские с татарами стояли...

Ну, кто помнит, отличники?

– Мы этого не проходи-и-ли... – расстроилась Белка. –

Вообще не из программы...

– Соня?

– Подожди, я это сдавала в прошлом году... – Соня взялась пальцами за лоб. – Стояние на реке Угре... Софийская летопись... Хан Ахмат... Не помню точной даты, но в конце пятнадцатого века.

– Та-ак... А Куликовская битва, стало быть, была в конце четырнадцатого. Неувязочка получается, господа и дамы. Целых сто лет в пролете.

«Господа и дамы» подавленно молчали. Только Атаманов, по-прежнему глядя на меч, пробормотал:

– Но ведь написано же: «...свет, Симонов монастырь». Мало ли кому меч Пересвета мог достаться? Может, он по-

сле Куликовской битвы по наследству его сыну перешел.

– Дурак, Пересвет же монахом был! – фыркнула Белка. – Какое наследство? Какой сын? Его вообще убили неженатого.

– Ну, так подарил! В карты проиграл! Продал! Еще до битвы! Нигде же не сказано, что он Челубея мечом убил. Может, кулаком по тылке приложил, и всех делов.

– Короче, дайте мне только до Интернета добраться, и я вам все скажу, – объявил Пашка. – А теперь шагом марш в огород! Что там у вас осталось, докопаем – и домой. Кстати, Федор Пантелеич, что за археологи были? Из какого города, какого научного общества?

– Да откуда мне знать-то? – растерялся Пантелеич. – Мне до них и дела никакого не было, ковыряются и ковыряются, стало быть, других занятий у людей нету. Сколько лет уж ковыряются, вспомнишь их всех, что ль? Вам бы вот у Васильевны спросить, ейная Нютка кажин день к ним на велосипеде ездила, интересно было ей...

– Что за Нютка? – повернулся Пашка к Батону.

– Ничего особенного, соседка, – пожал тот плечами.

– Школьница?

– Студентка. Не помню только где. Ей лет восемнадцать, нам особо общаться не о чем.

– А она тут картошку, случаем, у бабки не копает?

– Не, все уж выкопали, только мы затанули...

– Федор Пантелеич, – обратился Пашка к Батонову деду,

когда вся компания с лопатами и ведрами выбралась в огород, под неяркое октябрьское солнце. – А как бы вашу Васильевну сюда вызвать?

– А чего ее вызывать? – рассеянно отозвался Пантелеич, обозревая развороченные картофельные грядки. – Вона, задницу синюю видишь?

– Что?! – поперхнулся Пашка, посмотрев в указанном направлении.

Действительно, на соседнем огороде кто-то в синем платье и телогрейке стоял в позе испуганного страуса возле грядок и что-то возмущенно бормотал. Прислушавшись, Пашка быстро скомандовал:

– Девчонки и Соня, заткните уши!

– Эй, Васильевна! – гаркнул, приподнявшись на цыпочки, Пантелеич. – Кончай выражаться, у меня дитёв полон огород! Ей-богу, будто одна во всей деревне проживает!

– А, Пантелеич, будь здоровенек... – «Страус» выпрямился, оказавшись маленькой сердитой бабкой со сморщенным, как черносливина, лицом, до самых глаз замотанным платком. – Здравствуй, Андрюшенька. Ты с товарищами приехал деду пособлять? Дело, дело, молодец... Ах, собачьи вы выродки, да что ж вы воротите, да хоть бы у вас почернело и отвалилось все ваше поганое...

– Васильевна! – глуша соседкин текст, заголосил Пантелеич. – Да что ты так разоряешься-то? Дети, говорю я, здесь, кончай матюкаться!

– Да как же тут не матюкаться? Гли, опять все разворотили! И чего надо, и кому – не понимаю. Кто ж так картоху-то ворует? Ты воруй, да с разумением, не топчи, не порти! Опять как Мамай по грядкам прошел, да где ж совесть у людей...

Что имела в виду Васильевна, стало ясно, когда заинтригованные зрители подошли ближе. Около трети обширного огорода соседки словно побывало под бульдозером. Высохшая ботва была вырвана как попало и разбросана там и тут, картофельные клубни валялись под ногами и в ямах разной глубины.

– Вредительство одно! – сокрушалась Васильевна. – И Нютка, зараза, не едет! Тебе, Пантелеич, хорошо, у тебе внук сознательный, а у меня – трясогузка. Одни книжки в голове, а чтоб бабке помочь – выкуси!

– Вот что, бабуля, – тут же вник в ситуацию Пашка. – Мы вам щас тут поможем как сможем...

– Взаправду? – обрадовалась Васильевна. – Да ты ж мой голубочек брильянтовый...

– Угу... А вы напрягите память и вспоминайте все про археологов, которые тут летом копались. Все, что помните! Нам очень важно!

– Охти... Чичас... Ох, дай бог памяти... – засуетилась Васильевна, морща лоб и вглядываясь в горизонт, словно там могли нарисоваться вожаки археологи.

А Пашка тем временем отдал приказ:

– Эй, братва, лопаты в руки и шагом марш! Соня, ты не шагом марш, ты отойди, у тебя Брамс через три дня. А остальные – живо! Я тоже к вам иду. Ох, жизнь наша студенческая... В универе на картошку не послали, так здесь попался... Карма!

К четырем часам вся картошка Васильевны была выкопана и разложена на просушку в огромном сарае. Уставшие пацаны и девчонки переодевались у Пантелеича, готовясь отбывать в город. Соня и Пашка стояли возле хозяйки, которая, сопя от усердия, вспоминала:

– Стало быть, было их три человека. Совсем молоденькие, как Нютка моя. Приехали... Когда ж они приехали-то? Да прямо перед Петровыми днями!

– Перед Петровыми? В начале июля? Поздновато для археологов, – нахмурился Пашка. – Не путаете, бабуля?

– Не! Верно! Я знаю, потому Нютка моя почти в одно время с ими прибыла, а у ней как раз экзаменья закончились. Верно, после июня!

– Значит, трое, молодые, приехали в июле. Как их звали, не вспомните?

– Вот чего не знаю, того не знаю, – закручинилась Васильевна. – Вам бы Нютку спросить...

– А у вас нет ее телефона? Мы бы сами позвонили и узнали.

– Ой, и правда! – обрадовалась бабка и рысью помчалась через огород в избу.

Пашка вдруг заметил, что Сони нет рядом, оглянулся и увидел ее в нескольких шагах, рядом с огородным пугалом, которое Соня пристально разглядывала.

– Ты обратил внимание, какой шедевр? – спросила она, когда Пашка подошел. – Я теперь ночью заснуть не смогу.

С высокой жердины на них тарачилось действительно нечто выдающееся. Голова чучела была сделана из набитого тряпками мешка, в который были вставлены белые глаза из пластиковых стаканчиков. На голове высилась ржавая немецкая каска времен Второй мировой, из-под которой торчал клоч «волос» – из просмоленной пакли. Чучело мило улыбалось вставными челюстями, заботливо прикрученными проволокой. Одето оно было в драную тельняшку и телогрейку.

– Точно, Гитлер под Москвой! – восхитился Пашка. – А Андрюха, оказывается, творец!

– Васильевна, ты мне его назад отдай! – закричал из-за своего забора Пантелеич. – Самому нужно!

– Да забирай свое страшило, коли жадность одолела, – огрызнулась подоспевшая с бумажкой в руке Васильевна. – Толку от него! Что с им, что без него весь огород разрыли. Вот, касатик, бери, тут все аккуратно прописано, и домашний телефон в Москве, и второй... дебильный.

– Мобильный, бабуля.

– А я как говорю?

Пашка предпочел не вдаваться в долгие объяснения, тем

более что юниоры уже стояли возле «Волги» и ругались.

– И как мы, интересно, на заднем сиденье впятером поместимся?! – бушевала Полундра. – Пускай пацаны электричкой едут!

– Поместимся, ничего. – Уставшему Сереге вовсе не хотелось тащиться два километра пешком до станции, а потом еще часа три трястись в вагоне. – Я Натэлу на колени возьму, Юльку – в багажник, а Батона...

– На крышу привяжем, – съязвила Полундра. – Полежай-ка сам в багажник, умный такой!

– Дура, я не влезу!

– Щас спрессую, вмонтируешься на раз-два! – обозлилась Юлька.

– Тихо, братва! – рявкнул Пашка. – В багажнике картошка поедет, вон Пантелеич целый мешок волочит. А теперь все дружно выдохнули и полезли в машину... Ничего, в тесноте да не в обиде!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.